

По страницам старых газет

«Пионерская правда»

Кир БУЛЫЧЕВ

ВТОРОГОДНИКИ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Рисунки художника Л.РЯБИНИНА

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ

2020

Сосед Алисы Всеволод Михайлович от случая к случаю работал на телестудии, где играл древних дедов или волшебных злодеев. К тому же любил давать консультации и советы. Не все они были ценными, потому что в сознании деда путалось то, что было при нем, и то, о чем он читал в исторических романах. Он жил на свете так долго, что порой ему казалось, что когда-то он даже встречался с Наполеоном. На самом деле Всеволод Михайлович родился примерно в середине двадцатого века, ему еще не было и ста пятидесяти лет.

Алиса любила к нему ходить, потому что дед за свою долгую жизнь так оброс воспоминаниями и сувенирами, как дно корабля ракушками. Часто Всеволод Михайлович рассказывал ей удивительные истории, где правда перемешивалась с вымыслом, отчего истории становились похожи на сон.

У деда было одно качество, не всегда приятное для собеседников. Ему казалось, что сто лет назад все было лучше, чем теперь.

Иногда он вдруг замирал посреди комнаты, держа на весу тяжелый комплект «Огонька» за 1979 год, и задумчиво произносил:

— Мы выходим с Андрюшей из кино. А там киоск. В нем самая вкусная вещь на свете — мороженое эскимо! Хрустит мороз. Мы стоим с Андрюшей и держим по мороженому за деревянные палочки!

— Зачем деревянные палочки? — спросила Алиса.

— От них был главный вкус. Какой вкус!

— Разве сейчас мало мороженого? — удивлялась Алиса.

— Это не мороженое. — Дед был категоричен. — Это развлечение для хлюпиков, которые поднимаются на Эверест на фуникулере. В наши дни мы шли туда пешком...

Всеволод Михайлович замолк. Потом вдруг сказал:

— Завтра у меня день рождения. Сто пятьдесят лет. Круглая дата. А кто об этом вспомнит?

За окном шел первый снег, начинался ноябрь, и Алисе стало грустно. Вот прожил человек столько лет, внуков-правнуков много, да все разъехались. Один на Венере живет, другой улетел в звездную экспедицию. Некому деду подарок принести.

— А вы не пробовали заказать эскимо на фабрике? — спросила Алиса. — Там же могут сделать все что угодно.

— Ты угадала, — сказал Всеволод Михайлович. — В прошлом году я туда поехал. Они покопались в архивах и говорят: эскимо снято с производства шестьдесят лет назад. Рецепт утерян. Можем предложить «Марсианский рассвет», «Шоколадный восторг» и еще сто названий. И кому мешали деревянные палочки?

Алиса пришла домой и задумалась.

Если эскимо нет, надо его достать. День рождения не бывает без подарка.

Алиса достала альбом со старинными монетами, вынула из него металлический рубль с памятником Юрию Долгорукому, выпущенный к Олимпиаде 1980 года, и поехала в Институт времени.

Рабочий день кончился. Роботы уже начали уборку, техники проверяли камеры для путешествий во времени, сотрудники, которые вернулись из командировок в прошлое, сдавали находки. Только в одном зале камеру готовили к работе. Перед ней стоял средних лет человек в длинном полосатом халате и белой чалме, в руке у него был суковатый посох, через плечо висел кожаный мешок.

— Простите, — спросила Алиса, — вы уезжаете в прошлое?

— Да.

— У меня к вам небольшая просьба, — сказала Алиса, протягивая человеку рубль. — Для одного дедушки, у которого завтра день рождения, нужно привезти мороженое эскимо.

— К сожалению, — ответил человек, — я отправляюсь в Среднюю Азию в четырнадцатый век, чтобы поговорить с Ходжой Насредином. Боюсь, что в те времена мороженое эскимо еще не делали.

Алисе стало неловко, что она задала такой глупый вопрос. Видно же, что человек едет совсем не туда.

Надо было возвращаться домой. Но Алиса — человек упрямый. Она пошла дальше. В небольшой комнате увидела камеру, возле которой никого не было. На ней надпись: «Не включать. Испытания».

Не включать — так не включать. В Институте времени посторонним вообще находиться нельзя, а к камерам подходить строжайше запрещено.

Алиса сказала сама себе: «Я пошла домой». А ноги уже несли ее в камеру. Она включила «пуск». Камера работала нормально. «В конце концов, — подумала девочка, — мне недалеко и ненадолго».

Какой код набрать? Допустим, «1986 год». И она нажала на клавиши.

Через минуту Алиса вышла из камеры, которая была спрятана в подвале старого дома в переулке у Арбата. В подвале было темно, туда редко кто заглядывал. А если бы заглянул, никогда бы не увидел камеру, искусно спрятанную за кирпичной стеной.

Алиса выбралась из подвала и побежала к Арбату. Она уже бывала в прошлом, поэтому не удивилась ни одежде людей, ни шуму.

Шел мокрый снег, дул холодный ветер. На углу Арбата, у аптеки, Алиса увидела добрую на вид бабушку.

— Простите, — спросила она, — где здесь продают мороженое эскимо?

— Не скажу, — ответила бабушка.

— Почему? — удивилась Алиса.

— Ты никогда не донесешь мороженое до дома, съешь его на улице. Тут же у тебя начнется ангина, ты ляжешь в постель и пропустишь занятия в школе. Отстанешь от своих товарищей по классу и останешься на второй год. И никто тебя не пожалеет, потому что ты сама во всем виновата.

Бабушка говорила очень строго, глаза ее за толстыми стеклами очков сверкали.

— Это не для меня, — сказала Алиса, — это для дедушки.

— Ах, ты еще и лжешь! — возмутилась бабушка. — Ни один дедушка не будет есть эскимо. Эскимо — это мороженое для прогульчиков и второгодников!

Алиса побежала прочь.

«Бабушка не представляет, — думала она, — что у нас нет ангины, свинки, коклюша и скарлатины, что я купаюсь в проруби и поднимаюсь на Эльбрус. Но ведь бабушка не поверит... И то, что на второй год у нас не оставляют, она тоже не подозревает».

Если бы Алиса знала в тот момент, как она ошибается!

Буквально через сто метров Алиса увидела нужного человека. Нужному человеку было лет двадцать. Он медленно шагал по улице и жевал мороженое.

— Где вы его купили? — спросила Алиса.

— В такую погоду... — начал было молодой человек, но увидел отчаянные глаза Алисы и быстро ответил: — У метро. Деньги есть?

— Спасибо! — Алиса бросилась в том направлении, какое указал молодой человек.

Киоск был открыт. У стекла выставлены в ряд пачки, но Алиса не знала, какое из них — эскимо. И сколько оно стоит. Поэтому довольно робко протянула рубль в окошечко и сказала:

— Мне одно эскимо, пожалуйста.

Толстая женщина в белом халате поверх пальто открыла крышку холодильника, вынула оттуда совсем маленькую, невзрачную на вид пачку, из которой торчала плоская деревянная палочка, и начала считать сдачу. Она пододвинула мелочь Алисе, но та не уходила.

— Ты что? — спросила продавщица.

— Скажите, а у вас коробка есть? — спросила Алиса.

— Зачем коробка?

— Мне домой надо отнести, бабушке на день рождения. Я боюсь, что оно растает. Я вам все деньги оставлю. Мне не нужно.

— Нет, вы только поглядите! — громко сказала продавщица, как будто выступала перед большим залом. — Ребенок о бабушке заботится, себя без мороженого оставляет, а я должна с нее деньги за пустую коробку брать! Да за кого вы меня принимаете? Держи свои деньги, дай мне сюда свое мороженое!

Продавщица отобрала эскимо у Алисы, вытащила из-под прилавка довольно большую коробку из-под торта и положила в нее кучу дымящихся кусков сухого льда. Потом спрятала в лед целых пять пачек эскимо, закрыла коробку, завязала ее и сказала:

— Бери, вот тебе еще пачка, сама съешь. И не суй мне свои деньги. Пускай мне внук на день рождения мороженого принесет!

И как ни старалась Алиса отдать продавщице деньги, ничего из этого не вышло. Так и вернулась она в будущее, прижимая к груди холодную коробку, а в кулаке сжимая горстку мелочи.

Когда Алиса вышла из временной кабины, она очень удивилась.

В зале было человек пятьдесят. Среди них ее папа, мама, Всеволод Михайлович, врачи, ученые, техники и даже директор Института времени.

— Алиса, ты жива! — закричала мама, схватив ее в объятия.

— Осторожно! Коробку раздавишь.

— Я же говорил, что ничего не случится, — сказал директор института. Но голос его дрожал от волнения.

— Как вы успели сюда прийти? — спросила Алиса. — Меня ведь не было самое большее полчаса.

— Ты, по-моему, не умеешь читать, — сердито произнес директор института, — видишь надпись: «Не включать. Испытания».

— Я виновата, — сказала Алиса, — но мне так хотелось сделать подарок Всеволоду Михайловичу на день рождения.

И она протянула коробку. Дед открыл коробку, из нее повалил белый пар.

— Эс-ки-мо! — изумился дед. — Девочка, дорогая моя девочка... — Больше он ничего не смог выговорить от волнения.

Тут Алиса поглядела в окно и увидела, что деревья одеты в молодую листву.

— Что такое? — удивилась она.

— Сейчас май, — ответила ее мама. — И мы полгода живем в ужасе.

— Это экспериментальная машина для исследования времени. Тебе казалось, что прошло полчаса, а ты отсутствовала полгода, — объяснил директор института.

К сожалению, эта история так просто не кончилась.

На следующий день Алиса пошла в школу.

Светило солнце, пели птицы, летали майские жуки. Зацвела сирень.

В классе ее ждали. Но она ничего не успела рассказать — ее сразу же вызвал директор школы.

Директор ждал Алису в оранжерее. Сам он преподавал генетику и притом был крупным профессором по генному конструированию, так что его растительные питомцы были сами на себя не похожи.

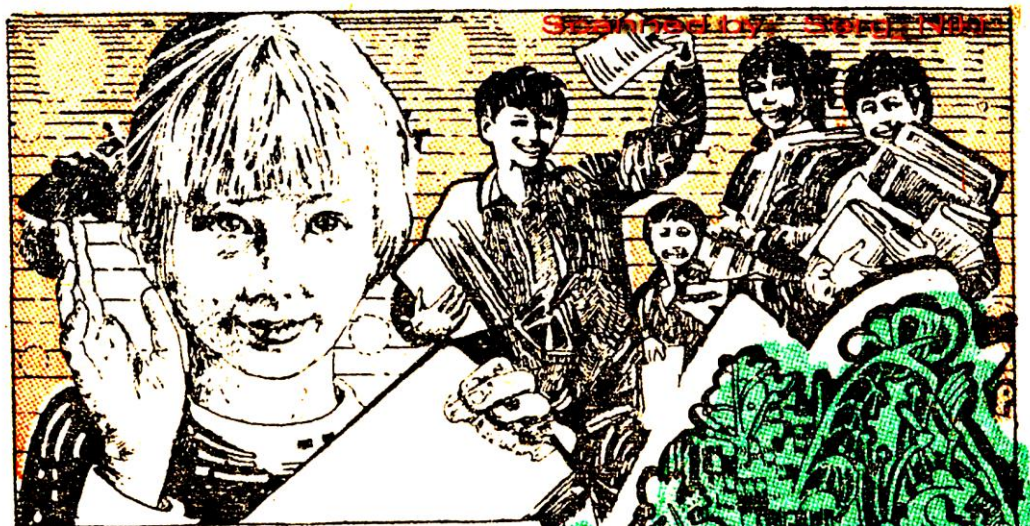
— Алиса, — спросил директор, — знаешь ли ты, что прошло полгода с тех пор, как ты в последний раз пришла в школу?

— Мне очень трудно в это поверить, — ответила Алиса. — Но все об этом говорят.

— А знаешь ли ты, — продолжал директор, как будто не услышав ответа, — сколько всего интересного и важного узнали за это время твои товарищи по классу?

Он сорвал с куста анютиных глазок нечто похожее на огурец и протянул Алисе. Она послушно откусила от этого зеленого, которое оказалось на вкус самой обыкновенной морковкой.

— Да, — ответила Алиса, — знаю, и мне очень жалко, что я так много пропустила.

— Что же будем делать? — поинтересовался директор. — Думаю, тебе придется остаться на второй год в третьем классе. Немного отдохни от своего путешествия, почитай, позанимайся сама, а со следующего сентября пойдешь снова в третий класс.

— Нет, — сразу ответила Алиса.

— Но почему?

— Я не могу остаться без моих ребят, — сказала Алиса. — Они все мои друзья. Я догоню. В конце концов, я уже взрослый человек.

— Взрослые люди, — резонно возразил директор, — не лезят без спроса в сломанные машины времени и не сводят с ума своих родителей. Считаю, что вопрос закрыт. Ты свободна, Алиса Селезнева.

Алиса послушно вышла из оранжереи и, понуриив голову, побрела в класс.

— Ну что там? — спросил ее друг Пашка Гераскин. — Ругался?

— Хуже, — ответила Алиса. — Оставил на второй год.

Все ребята ахнули.

— Ни в коем случае! — сказал Пашка. — Я этого не допущу.

— Как же ты не допустишь? — спросила Машенька Белая. — Если наш директор решил... — И она, грустно вздохнув, добавила: — Но без тебя, Алиса, наш класс станет не тем.

— А я знаю, что сделаю, — сказал Аркаша Сапожников, самый умный ученик в классе.

Он включил свою пишущую машинку и начал диктовать. Все окружили Сапожникова и смотрели на лист бумаги, который медленно вылезал из машинки.

— «Заявление, — говорил Аркаша. — Директору школы. Сейчас я веду большую научную работу, и мне совершенно некогда заниматься текущими учебными делами. Очень прошу оставить меня на второй год. С уважением Аркадий Сапожников, третий класс».

— Это что же получается! — закричал Пашка Гераскин. — Значит, Сапожников будет учиться с Алисой и дальше, а мы к ним в гости будем ходить? Где моя пишущая машинка?

Он тут же включил пишущую машинку и принялся ей диктовать.

Сестры-близнецы Маша и Наташа Белые тоже кинулись к своим пишущим машинкам, а Джавад сказал:

— Нельзя повторяться, это вызовет подозрения. Я скажу все честно.

В этот момент в класс вошла молоденькая учительница Каролина Павловна и, поздоровавшись, принялась с грустью разглядывать Алису.

Аркаша тихо подошел к столу и положил перед учительницей свое заявление.

— Ничего не понимаю, — сказала Каролина Павловна, — какую такую работу ты ведешь, которая тебе мешает учиться?

— А вот мое заявление. — Пашка Гераскин принес листок бумаги.

— «Директору школы, — прочла вслух Каролина Павловна. — Я должен признаться вам, что только сегодня понял, что весь год недостаточно вдумчиво занимался и материала за третий год совершенно не усвоил. Поэтому мне очень хочется еще раз прослушать весь курс третьего класса. Надеюсь, что мне не откажут в моей просьбе. С уважением Павел Гераскин».

— Как? — удивилась Каролина Павловна. — Значит, ты меня обманывал? А я всегда думала, что тебе интересно на моих уроках.

— Интересно, — сказал Пашка, — вот я их еще раз и прослушаю.

Заявления одно за другим ложились на учительский стол.

— Невероятно! Я сойду с ума! — воскликнула Каролина Павловна, собирая со стола листочки. — Такого не было не только в истории нашей школы, но и в истории человечества.

И с этими словами она быстро ушла из класса.

А когда шум в классе немного утих, Алису и Пашку избрали от класса разведчиками, чтобы они подкрались к оранжерее, где уже заседал учительский совет, обсуждая необычные события в третьем классе.

Когда ребята подкрались к оранжерее и спрятались за кустами, совет уже кончался. Говорил директор. Он держал в руке стопку заявлений.

— Мы воспитываем в нашей школе самостоятельных людей и всегда стараемся уважать их мнение, даже если это только первоклассники. Если сегодня по разным причинам весь третий класс хочет остаться на второй год, мы не можем подозревать, что все дети делают это из лени или нежелания трудиться. Таких в наше время почти не осталось. Следовательно, мы должны удовлетворить их просьбу. Но, с другой стороны... — Директор сделал паузу, а Пашка прошептал Алисе на ухо:

— Если он и в самом деле оставит нас всех на второй год, мои родители ужасно удивятся...

— Но, с другой стороны, — повторил директор, — я полагаю, что есть выход. Алиса, ты подслушиваешь?

— Да, — призналась Алиса, выходя из кустов.

— Подслушивать нехорошо, тем более что у нас нет секретов от учеников.

— Извините, — сказала Алиса. — Но мы переживаем.

— Передай своим товарищам, — попросил директор, чуть улыбаясь, — что мы удовлетворили просьбу твоего класса. И весь класс оставлен на второй год. И будет в будущем году снова называться третьим классом. Но если твои товарищи помогут тебе, Алиса, наверстать то, что ты пропустила за полгода, и ты сама поработаешь летом, то первого сентября мы устроим тебе экзамен, и если ты его выдержишь, то всех переведем в четвертый класс. Тебе ясно?

— Ясно, — обрадовалась Алиса. — Спасибо.

— Ну, конечно, если Паша Гераскин чувствует, что он не справился с годовой программой, мы сделаем для него исключение и оставим его...

— Не надо, — выскочил из кустов Пашка. — Я буду заниматься вместе с Алисой.

На том и порешили.

Разумеется, третий класс не остался на второй год. Уже в конце мая Алиса догнала своих ребят. Правда, всем, и ей в первую очередь, пришлось немало потрудиться.